

Н. В. КРАСНОВА

ПОЛИТИКА НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ В АРАБСКИХ СТРАНАХ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМИЯ
УПРАВЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКИ

Н. В. Краснова

**ПОЛИТИКА НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
В АРАБСКИХ СТРАНАХ
ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА**

Санкт-Петербург

2011

УДК 314.113
ББК 60.7
К 78

Краснова Н. В.

К 78 Политика народонаселения в арабских странах Персидского залива. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2011. — 174 с.: ил.
ISBN 978-5-94047-243-8

В монографии рассматриваются особенности формирования политики народонаселения с учетом «нефтяного фактора», традиций мусульманского общества и специфики демографического развития в арабских странах Персидского залива, которые отличаются высоким уровнем производства ВВП на душу населения, быстро развивающейся и модернизирующейся экономикой. Анализируется осуществляемая правительствами этих стран политика народонаселения, являющаяся частью социальной политики и воздействующая на воспроизводство населения через улучшение его качественных характеристик, условий труда и уровня жизни граждан при сохранении незыблемости традиционных основ общества.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что направленные на изменение социально-демографических характеристик населения и общества проекты в указанных странах проводились в жизнь на основании детального изучения проблем, масштабных обследований и мониторинга демографической ситуации.

Издание предназначено для экономистов, демографов, социологов, политологов, работников органов власти Российской Федерации.

УДК 314.113
ББК 60.7

ISBN 978-5-94047-243-8

© Н. В. Краснова, 2011
© СПбАУЭ, 2011

*Выписка из протокола № 18 от 17 июня 2010 г.
заседания диссертационного совета Д 501.001.17
при Московском государственном университете
имени М. В. Ломоносова*

Слушали: Защиту кандидатской диссертации Красновой Натальи Вениаминовны на тему «Политика народонаселения в арабских странах Персидского залива».

Постановили:

1. Диссертация Красновой Н. В. является самостоятельной научной квалификационной работой, полностью соответствующей требованиям ВАК РФ о порядке присуждения ученой степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (экономика народонаселения и демография)», а ее автор заслуживает присуждения искомой степени.

2. Опубликовать диссертационное исследование Красновой Н. В. на тему «Политика народонаселения в арабских странах Персидского залива».

3. Подготовить на его основе аналитическую записку и направить ее вместе с соответствующими рекомендациями правительству Российской Федерации.

Председатель
диссертационного
совета

профессор
Е. Н. Жильцов

Предисловие

Богатые нефтью монархии Персидского залива в течение, по сути, одного поколения осуществили «эксперимент» по формированию новых параметров социально-экономических отношений и развития. Вследствие проведения экономических преобразований за счет нефтедолларов им удалось изменить не только уровень потребления, но и качественные характеристики населения. Анализ процессов, лежащих в основе изменений, происходящих под влиянием вовлечения стран в мировое экономическое сообщество и роста национальных доходов от экспорта нефти, представляет интерес и для других стран, где масштабный сырьевой экспорт составляет основу экономического развития, в том числе для России.

Специфика рассматриваемых в исследовании монархий заключается в том, что особенности демографического поведения и формирование политики народонаселения здесь находятся под воздействием исламской религии, определяющей социально-культурные установки образа жизни населения, и, соответственно, не могут не быть консервативными. Особенности и перспективы развития демографических процессов, рассмотренные через призму таких факторов, как пространственное распределение населения, обеспеченность водными ресурсами, племенная структура, воздействие ислама на нормы традиционного общества, индустриализация, распространение образования среди населения, выявляют составляющие социальной политики государств Персидского залива, в том числе политики народонаселения.

В конкретных условиях стран, где сильны традиции ислама, перспективы формирования благоприятных условий для реализации политики народонаселения во многом определяются тем, насколько успешным будет достижение взаимопонимания государства, религиозных организаций и населения в трактовке и методах осуществления целей такой политики. При исследовании политики народонаселения стран Персидского залива рассматривается ее формирование в контексте процессов установления государственного контроля над нефтегазовым сектором экономики, сохранения традиционных основ арабского общества и повышения качества

населения. В современном мире именно такой подход с точки зрения «общественного консенсуса» является необходимым условием достижения тех целей политики народонаселения, которые желательны для государства и одобряются обществом.

При всем отличии современной демографической и миграционной, социально-экономической ситуации в монархиях Персидского залива от российских условий можно утверждать, что опыт этих государств в формировании концептуальных подходов к политике народонаселения и практике ее осуществления представляет интерес для нашей страны. Во-первых, так называемый «нефтяной фактор», оказывающий принципиальное влияние на политику народонаселения в государствах Персидского залива, присутствует и в России. Во-вторых, рассматриваемые монархии дают пример комплексного подхода к политике народонаселения, подразумевающего тесную увязку целей в области снижения смертности и улучшения здоровья нации, политики в сфере образования, миграции, занятости, и именно такой подход целесообразен для применения в России. В-третьих, как государства Персидского залива, так и Россия привлекают иностранную рабочую силу, что является общей чертой экономического развития обеих групп стран. Миграционная политика в арабийских монархиях отличается жесткостью, но в то же время обеспечивает экономические и социально-политические интересы этих государств и успешно препятствует притоку нелегальных мигрантов. Как бы ни относиться к такому опыту, он требует пристального изучения в России. Таким образом, тема исследования является актуальной и для нашей страны.

Целью работы стало комплексное изучение особенностей формирования политики народонаселения в странах Персидского залива с учетом «нефтяного фактора», традиций мусульманского общества и специфики демографического развития.

Автором впервые проведен комплексный анализ формирования политики народонаселения в группе нефтедобывающих государств Персидского залива во взаимосвязи с особенностями их социально-экономического, исторического, социально-психологического, экологического и демографического развития.

Определена роль «нефтяного фактора» в трансформации социальной структуры традиционного общества государств Персидско-

го залива и формировании политики патернализма, определяющей специфику политики народонаселения в странах Персидского залива. Выделена динамика демографических процессов, происходящих в данном регионе, и предложена классификация факторов, влияющих на изменение модели воспроизводства населения, в контексте существующей социальной структуры традиционного мусульманского общества; рассчитан индекс социально-демографического перехода от режима устойчивой многодетности к малодетности, когда происходит активная модернизация общества с одновременным сохранением традиционной структуры и устоявшейся на протяжении веков социальной системы. Аналогов подобного взаимодействия в мире нет.

Исследованы (на основе доступных статистических данных) основные направления проводимой в странах Персидского залива политики народонаселения и ее воздействия на процессы воспроизводства населения — младенческую смертность, возрастную структуру, репродуктивное поведение, уровень жизни населения. Изучены особенности формирования и развития миграционной политики, инструментов влияния на миграционные процессы, рынка труда и политики занятости.

Важность регионального анализа в контексте политики народонаселения и особенностей демографического поведения обусловлена тем, что формы политики регулирования воспроизводства населения в тех районах мира, где исламская религия оказывает определяющее воздействие на формирование социокультурных установок, консервативны. Еще один существенный общий фактор — патриархальный склад сознания, обостренное осознание собственной «идентичности», усиленное возникшим в новейшее время финансовым могуществом. Это с неизбежностью должно было привести к сепарации населения, разделению его на «коренных» и «некоренных», а также нацеленности на численный рост, социально-экономическое и культурное развитие преимущественно коренного населения.

В процессе исследования:

1. Доказано, что политика патернализма, во многом связанная с действием «нефтяного фактора» и заключающаяся, во-первых, в предписании ислама использовать природные ресурсы в интересах всех членов общества и, во-вторых, в обеспечении приоритета

коренного населения стран Персидского залива в области трудоустройства, оплаты труда, получения образования и квалификации, предоставления социальных гарантий, в значительной мере определяет формирование политики народонаселения в рассматриваемых государствах. Она опирается на финансовые ресурсы, обеспечиваемые экспортом нефти, и сориентирована исключительно на коренное население. Мигранты, доля которых составляет от 25 до 80% населения рассматриваемых стран, остаются полностью исключенными из государственной системы социального обеспечения.

2. Предложена классификация факторов, влияющих на изменение модели воспроизводства населения в специфических условиях арабского общества (демографических: динамика смертности, соотношение полов, увеличение численности населения; и социально-экономических: доля детей, посещающих школу, урбанизация, динамика производства ВВП на душу населения). При этом доказано, что действие указанных факторов в течение полутора-двух десятилетий, при сохранении социальной структуры арабского общества с сильными консервативными традициями, объективно обуславливает формирование устойчивой тенденции снижения суммарного коэффициента рождаемости даже при том, что государство декларирует поддержку сохранению высокой рождаемости и увеличению численности населения. Рассчитан индекс социально-демографического перехода.

3. Проанализированы принципы миграционной политики и ее влияние на социально-экономический рост. Проведена классификация стран Персидского залива по типам миграционной политики. Рассмотрено использование различных инструментов миграционной политики в зависимости от внутренних и внешних факторов (внутриполитическая ситуация, развитие идеи единства арабской нации, война в Персидском заливе, межправительственные соглашения в рамках ССАГПЗ).

4. Рассмотрены вопросы формирования политики в области занятости государств Персидского залива, обозначены основные ее этапы в период между национализацией нефтегазового сектора и возникновением диверсифицированной «постнефтяной» экономики. Показано, в какой степени целенаправленно осуществляемая политика замещения иностранных работников национальными

кадрами обеспечивает рост национального среднего класса, поддерживает социальную и политическую стабильность в обществе и обеспечивает рост уровня жизни коренного населения

В отношении недропользования исламское право утверждает суверенные права государства на регулирование хозяйственной деятельности, связанной с добычей и переработкой полезных ископаемых, требуя использования этих ресурсов в интересах всех членов общества. Эта доктрина, нормирующая распределение ресурсов, в сочетании с сохранением родоплеменной структуры общества и традиционной для монархий социальной модели «отец нации — дети» во многом определила социально-экономическую политику и политику народонаселения в странах Персидского залива. Главной целью правительств является здесь сохранение политической и социальной стабильности и развитие без изменения традиционных основ арабийского общества. Именно этот механизм функционирования и поддержания уникального в своем роде патерналистского типа монархий определяет характер внутривнутриполитических процессов в странах региона, их особое положение среди развивающихся государств.

В процессе исследования использовались труды отечественных и зарубежных экономистов, демографов, социологов по социальной и экономической политике и политике народонаселения (Э. А. Араб-Оглы, В. Я. Архипов, Д. И. Валентей, А. Г. Волков, Я. Н. Гузеватый, И. В. Ивахнюк, В. А. Ионцев, А. Н. Каменский, А. Я. Кваша, А. А. Саградов, А. Ф. Сиверцева, Г. И. Старченков, В. С. Стешенко, Г. Беккер, Дж. Бонгаартс, Р. Истерлин, В. Лутц, А. Омран, Д. Табутен, С. Фарид, Ф. Хаузер, М. Эль-Хоразати, И. Эль-Хаддад и др.).

Информационной базой исследования являются статистические ежегодники арабских стран и международных региональных организаций, документы правительственных и общественных организаций, Фонда ООН по народонаселению (ЮНФПА), Международной организации труда (МОТ), Международной организации по миграции (МОМ), ЮНЕСКО.

Теоретические положения, проработанные в монографии, раскрывают на примере арабских стран Персидского залива возможности более целенаправленного решения демографических проблем посредством диверсифицированного социально-экономического

развития на основе высоких экспортных доходов, в частности, когда существует дефицит трудовых ресурсов для реализации экономических проектов.

В условиях растущего экономического благосостояния государства, как показывает пример стран Персидского залива, эффективным инструментом стимулирования развития среднего класса выступает патерналистский подход в формировании политики народонаселения. Не ломая основ традиционного общественного уклада, осуществляемая в рассматриваемых странах модель политики народонаселения содействует улучшению ряда демографических показателей (снижению младенческой смертности, изменению среднего возраста вступления в брак, оптимизации гендерной структуры общества). Политика патернализма со стороны государства приводит к тому, что население монархий Персидского залива оказывается обеспеченным таким уровнем социальной защиты, который можно сравнить с самыми развитыми странами мира, а во многих отношениях (например, доступность высшего образования, возможности трудоустройства) не имеет аналогов. Изучение этой модели представляет собой несомненный интерес для других стран, в том числе для России, которая сталкивается со сложными демографическими проблемами и в то же время, как и государства Персидского залива, строит свое экономическое благополучие во многом за счет экспорта нефти и газа.

Проведенная в исследовании классификация факторов, воздействующих на уровень рождаемости, может быть применена в качестве инструмента при изучении репродуктивного поведения как в арабском мире в целом, так и в условиях России. Это может способствовать выработке эффективной политики народонаселения с учетом демографических и социально-экономических особенностей каждого государства.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ПОЛИТИКИ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ В СТРАНАХ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

1.1. Роль «нефтяного фактора» в социально-экономическом развитии и формировании ресурсной базы политики народонаселения

Отличительной особенностью рассматриваемых стран Персидского залива стало их финансовое благополучие, строящееся в первую очередь на доходах, извлекаемых из нефтегазового сектора. На этих ресурсах строится не только экономика монархий Персидского залива; финансовое благополучие является также важным условием осуществления активной политики в области развития населения.

Понимание сущности так называемого «нефтяного фактора» является необходимой предпосылкой обобщенного и сравнительного анализа политики народонаселения в рассматриваемых государствах.

Феномен бурного экономического роста стран Персидского залива во второй половине XX — XXI в. привлекает внимание зарубежных и российских исследователей [Георгиев, Озолинг, 1983; Закария, Яковлев, 1998; Косач, 2007; Мелихов, 2000; Arabia and the Gulf, 1986; Sindelar, Peterson, 1988]. В данной работе мы рассматриваем основные особенности этого процесса лишь в том аспекте, который необходим для анализа развития населения этих стран и осуществляемой в них политики народонаселения.

Применительно к рассматриваемой проблеме нам представляется принципиально важным следующее положение из «Отчета по человеческому развитию за 1994 г.» ООН: «Национальное богатство может расширить возможности выбора для людей. Этого, однако, может и не произойти. Определяющим здесь является не

само по себе богатство, а то, как его используют разные страны» [ООН, 1995].

Опыт нефтедобывающих монархий Персидского залива позволяет проследить, как природное национальное богатство при соответствующей государственной политике создает базу для значительного ускорения социально-экономического развития и роста уровня жизни населения. Такой подход характерен для всех шести стран Залива, хотя и не в одинаковой степени.

К середине 1970-х гг. арабские нефтедобывающие монархии в результате последовательной и эффективной борьбы вытеснили из своих стран значительную часть иностранных нефтяных монополий [Георгиев, Озолинг, 1983]. Арабам удалось полностью или частично установить контроль над собственными источниками нефти. В этот же период произошел значительный скачок спроса на нефть в связи с модернизацией экономики в развитых странах мира, вследствие чего за короткий период цена на арабскую нефть выросла с 1970 по 1976 г. в 8 раз, а к 1979 г. — в 11 раз. Эти обстоятельства естественным образом способствовали усилению роли «нефтяного фактора» в экономике рассматриваемых государств.

Сравнение динамики изменения производства ВВП на душу населения в странах Персидского залива, данные о котором публикуются ООН с 1975 г., дает возможность количественно оценить роль «нефтяного» фактора и изменение в уровне жизни коренного населения. В 1975 г. производство ВВП на душу населения имело существенный разброс от примерно 2500 долл. США в Омане до более чем 31 000 долл. США в ОАЭ. В течение последующих десятилетий во всех рассматриваемых государствах наблюдался относительно устойчивый рост производства ВВП на душу населения с некоторыми колебаниями в начале 1980-х гг., когда мировой рынок корректировал ценовой диапазон на нефтепродукты, а война в Персидском заливе 1991 г. отразилась в стагнации показателей ВВП на душу населения. В начале XXI в. производство ВВП в рассматриваемых странах значительно увеличилось, в 2007 г. сократился разрыв между максимумом в Катаре (64 200 долл. США) и минимумом — в Омане (14 300 долл. США) [UNDP, 2009, р. 195].

Быстро возраставшие поступления от экспорта нефти способствовали увеличению фондов накопления в шести странах, объ-

единившихся в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). В то же время это ставило экономику в зависимость от конъюнктуры цен на нефть на мировом рынке. Руководство стран Персидского залива практически одновременно пришло к идее необходимости диверсификации экономики; решающее значение в этой связи приобретает всемерное стимулирование «ненефтяного» экспорта.

Структурные реформы в экономиках стран Персидского залива начались уже с середины 1970-х гг. При этом правители нефтяных монархий сделали ставку на повышение роли государства в экономике, сосредоточение основных финансовых ресурсов в руках государства, формирование нового государственного-капиталистического уклада. Практически единственным источником первоначального накопления капитала в рассматриваемых монархиях стала нефтяная рента после окончания у большинства иностранных компаний в 1973 г. договоров концессии и перехода нефтяной промышленности под государственный контроль [Георгиев, Озолинг, 1983].

К началу 1980-х гг. Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ превратились в крупных экспортеров капитала. На фоне все еще господствующих феодальных общественных отношений появилась крупная торгово-банковская буржуазия, начавшая срачиваться с традиционными монархическими институтами. Одновременно во всех рассматриваемых странах проявился дисбаланс между возросшими финансовыми возможностями для развития экономики и осуществления разного рода строительных, промышленных, инфраструктурных и других проектов, с одной стороны, и имеющимися для этого национальными трудовыми ресурсами с другой. В связи с этим привлечение иностранной рабочей силы стало одним из условий экономического развития.

Особенности социально-экономического развития стран Персидского залива в контексте «нефтяного фактора» в 1970–1990-е гг. можно проследить на примере краткого обзора национальных пятилетних планов развития, осуществлявшихся в странах Залива с конца 1960-х гг. Пятилетние планы были сориентированы как на краткосрочные, так и на долгосрочные, стратегические цели. Они разрабатывались не только на базе имевшихся огромных финансовых ресурсов, но и с учетом неизбежной перспективы исчерпания нефтяных запасов. Кроме того, в них отчетливо просматриваются

контуры формировавшейся на протяжении этих десятилетий политики народонаселения.

В **Кувейте** в течение трех первых пятилетних планов (1967–1972; 1971–1975 и 1976–1981 гг.) был сделан упор на индустриализацию, опирающуюся на взаимодействие государства и частного капитала. Экономика и промышленность четко сегментируются на два сектора — нефтяной и «ненефтяной» [Георгиев, Озолинг, 1983].

Характерно прослеживающееся в планах развития Кувейта понимание того, что рост национальной промышленности увеличит приток трудовых мигрантов, поскольку собственных демографических ресурсов для осуществления экономических проектов в стране недостаточно. Одновременно указывалось, что приток мигрантов может обострить внутренние проблемы, усилить конкуренцию на рынке труда с национальными кадрами и оказать давление на социальную сферу, создавая предпосылки социально-политической нестабильности внутри страны. Тем не менее изначальная стратегия правительства Кувейта (как и других нефтедобывающих стран Персидского залива) состояла в проведении индустриализации без создания собственного рабочего класса. Планы экономического развития строились на основе связки «иностранные технологии — иностранная рабочая сила» [Старченков, 1997].

Однако при разработке четвертого пятилетнего плана (1981–1985 гг.) правительство Кувейта, исходя из долгосрочных целей, решило внести существенные изменения в политику занятости коренного населения страны. В качестве важнейшего приоритета указывалась подготовка национальных кадров и повышение производительности труда рабочих из числа коренного населения, чтобы сократить зависимость наполнения бюджета страны от мировой конъюнктуры цен на нефть и провести диверсификацию экономики на основе политики индустриализации.

Пятый план (1986–1990 гг.) пришелся на период сокращения доходов от экспорта нефти, что отражало перемены на мировом нефтяном рынке. Из-за непосредственной привязанности экономики Кувейта к нефтяному рынку общий объем производства ВВП в 1980-е и первой половине 1990-х гг. значительно колебался. При этом доля обрабатывающей промышленности в Кувейте уже проявляла тенденцию к росту [Закария, Яковлев, 1998].

Шестой пятилетний план (1995–2000 гг.) ориентировался на менее благоприятную конъюнктуру нефтяного рынка, предусматривая определенный дефицит бюджета, сокращение государственных, в том числе и социальных расходов. Среди основных задач, стоящих перед правительством, ставились увеличение в бюджете доли «нефтяных» доходов, дальнейший рост перерабатывающей промышленности и отраслей, связанных со средствами коммуникации, а также развитие транспорта, финансового сектора, системы образования, в частности формирование потенциала квалифицированных специалистов в различных отраслях на основе местных кадров [Мелихов, 2000].

Правительство Кувейта последовательно и целенаправленно, сохраняя основы традиционного общества, ориентировалось на повышение качественных характеристик коренного населения, вовлекая его на рынок труда за счет повышения уровней образования и жизни в целом, используя правовые нормы шариата. При этом на мигрантов, доля которых в населении составляет более 60%, меры социальной политики правительства не распространяются.

Другая страна Персидского залива, **Саудовская Аравия**, основную стратегию своего развития также видела в снижении зависимости экономики от экспорта нефти. Первый пятилетний план социально-экономического развития (1971–1975 гг.) был нацелен на рост производства ВВП на душу населения, рациональное использование доходов от нефти и развитие людских ресурсов. Показатели этого плана были перевыполнены, и во втором пятилетнем плане (1975–1979 гг.) приоритет целей развития по своей значимости был изменен: на первое место выдвинулась перестройка экономики в сторону ее диверсификации и роста «нефтяных» секторов, на второе — быстрое развитие людских ресурсов, а на третье — развитие экономических районов страны [Васильев, 1999].

Второй пятилетний план выявил негативную тенденцию: огромные ассигнования для развития основных производственных фондов, за исключением нефтедобычи, не осваивались. Главным препятствием для положительных сдвигов в этом направлении стал фактор нехватки квалифицированной рабочей силы и специалистов среди коренного населения.

В третьем пятилетнем плане (1980–1984 гг.) цели оставались прежними, но дополнительно были обозначены в качестве сроч-

ных и необходимых задач повышение эффективности управления хозяйством страны и сокращение зависимости от импорта продовольствия (продовольственная безопасность) на основе разработки рациональной национальной аграрной политики.

Четвертый пятилетний план (1985–1989 гг.) разрабатывался на фоне прекращения «нефтяного бума» и общего экономического спада. В нем были сохранены прежние экономические ориентиры, однако в качестве приоритетных задач выдвигалось увеличение роли частного сектора, который мог опираться на созданную государством за три пятилетки развитую инфраструктуру.

В пятом плане (1990–1994 гг.) особое внимание уделялось социальным вопросам — развитию системы образования и профессионального обучения, здравоохранению и улучшению положения со снабжением населения качественной питьевой водой.

Можно сказать, что к середине 1990-х гг. в Саудовской Аравии произошли существенные качественные изменения в параметрах и ориентирах социально-экономического развития. При сохраняющемся «естественном» преобладании роли нефтегазового сектора здесь складывалось более гармоничное соотношение различных отраслей экономики, а также получила развитие система социального обеспечения коренного населения [Косач, 2007].

В **Объединенных Арабских Эмиратах** добычу нефти и газа начали позднее, чем в Кувейте и Саудовской Аравии, поэтому руководство страны смогло учесть опыт своих соседей. Понимая, что страна с бедным населением не может быть богатой, правительство ОАЭ направляло значительную часть нефтедолларов на повышение жизненного уровня коренных жителей. При небольшой численности населения в ОАЭ производство ВВП на душу населения является одним из самых высоких в мире. Однако нехватка трудовых ресурсов, необходимых для развития и модернизации экономики ОАЭ, вызвала огромный приток иностранной рабочей силы, так что к началу 1990-х гг. граждане страны составляли лишь 20% от всего населения (в начале 2000-х гг. — не более 15% в каждом из семи эмиратов) [UAE, 2004]. В результате миграционная ситуация, связанная с присутствием в стране многочисленного иностранного населения, превратилась в острую внутривнутриполитическую проблему. Необходимо подчеркнуть, что хотя ОАЭ представляют собой федерацию

эмиратов с относительной автономией и вопросы иммиграции, как и ряд других, решаются в каждом из них по-разному, федеральное правительство поставило целью проведение единой политики народонаселения [ibid.].

В **Катаре** нефтяная и газовая отрасли полностью контролируются государственными компаниями; поступательное развитие экономики обеспечивается именно целенаправленной политикой правительства по диверсификации производства. С 2001 г. Катар имеет положительное сальдо бюджета, а государственный долг, как внешний, так и внутренний, постепенно сокращается (хотя в середине 2000-х гг. составлял около 9 млрд долл. США) [World Bank, 2008]. Занимая третье место в мире по запасам природного газа, Катар активно развивает газодобывающую и газоперерабатывающую промышленность, экспортируя сжиженный газ в ОАЭ и Оман. По оценкам экспертов, в ближайшее время доходы страны от экспорта газа могут сравняться с доходами от экспорта нефти. Министр финансов Катара Юсеф бин Хусейн Кемаль свидетельствует о том, что они «без какой-либо дополнительной нагрузки вкладывают эти нефтегазовые доходы в инфраструктуру — строительство школ и больниц, крупнейшего в Арабском заливе университетского комплекса, прокладку дорог и создание очистительных сооружений» [Сигов, 2005, с. 64].

Краткий обзор пятилетних планов стран Персидского залива демонстрирует, что в целом социально-экономическая стратегия «нефтяных монархий» за период исключительного нефтяного благополучия была скорректирована в сторону диверсификации экономики, проведения экономических и социальных преобразований, перемещающих общество на качественно более высокий уровень развития. Правительства нефтедобывающих стран прилагали значительные усилия к созданию условий и стимулов для развития и диверсификации экономики и обеспечения ее рабочей силой. Миграционная политика гибко менялась в зависимости от экономической ситуации. Коренное население имело возможность повышения своего квалификационного уровня за счет бюджетных средств и предпочитало трудиться на государственных предприятиях. Национальный частный капитал с помощью разнообразных льгот получал стимулы для вложения средств в развитие промышленности и сектора услуг.

Привлекательность бурно развивающихся монархий Персидского залива для иностранного капитала используется их правительствами для стимулирования роста смешанного сектора экономики. При этом основной заботой государства является развитие национального частного капитала. Налоговое законодательство стран Персидского залива является одним из примеров того, как государство с помощью жестких административно-правовых механизмов обеспечивает повышение доли участия национального капитала в смешанных предприятиях и тем самым способствует росту доходов граждан своих стран.

В Омане, например, в том случае, если доля национального капитала в смешанных предприятиях составляет 51% и более, ставка налога на доходы равняется 15%; если доля местного капитала составляет от 35 до 50%, налог исчисляется по ставке 20%; если же доля местного капитала составляет менее 35%, то налог может составлять до 50% доходов предприятия [Metz, 1993]. Для некоторых сфер деятельности законом установлена минимально разрешенная доля национального капитала (для компаний, действующих в сфере информационных и коммуникационных услуг — 66%; для транспортных компаний — 51%; для сельскохозяйственных, рыболовецких, строительных и промышленных компаний — 75%). В области же торговли и в сфере потребительских услуг в Омане разрешена деятельность компаний только со 100%-м национальным капиталом [ibid.].

Развитие отраслей промышленности и сферы услуг, формирование специфической финансовой системы происходит в государствах Персидского залива на фоне стремительной урбанизации. В 1970 г. в городах проживало менее 50% жителей Саудовской Аравии. К концу XX в. это число выросло до 86%. В Омане доля городского населения за аналогичный период возросла с 20 до 84% (см. табл. III Приложения).

Рассмотренные на примере отдельных стран Персидского залива тенденции экономического развития и социально-экономической политики позволяют сделать некоторые общие выводы. Роль «нефтяного фактора» проявилась не только в росте производства ВВП на душу населения и количественных показателей среднего душевого дохода населения в монархиях Залива. Целенаправленная социально-экономическая политика их правительств повлекла

следующие качественные изменения в экономике и обществе рассматриваемых государств.

Все страны Персидского залива практически одновременно подошли к осознанию того, что доходы от добывающих отраслей экономики являются временными в стратегическом плане, их следует трансформировать в диверсификацию экономики и создание собственных высокотехнологичных отраслей промышленности, способных быть основой экономики при сокращении потока нефтедолларов или, по крайней мере, уменьшить степень зависимости экономики от «нефтяного фактора».

Осознание необходимости эффективного управления притоком финансовых ресурсов и иностранных инвестиций привело правительства рассматриваемых стран к идее активной государственной социально-экономической политики и одновременно к необходимости ухода от модели «государства-рантье» и развития «ненефтяной» промышленности и сферы услуг.

Внутренняя трансформация стран Персидского залива началась не одновременно, но этот процесс имел общий катализатор, которым явилась нефть. В результате социально-экономической трансформации произошло сокращение доли докапиталистических укладов, изменение структуры занятости населения, что значительно уменьшило численность бедуинов и ремесленников традиционных промыслов.

Индустриализация в государствах Персидского залива сопровождалась быстрым ростом городского населения как за счет переселения коренных жителей в города, так и за счет массового притока иностранных трудящихся-мигрантов.

Привлекая в массовом порядке иностранных работников, рассматриваемые монархии проводят жесткую государственную политику в отношении статуса мигрантов, находящихся в стране, натурализации, обеспечения социальных прав привлекаемых для работы трудящихся-мигрантов, гарантируя абсолютный приоритет коренным жителям в сфере трудоустройства и социального обеспечения.

Обеспечение экономики национальными квалифицированными кадрами во все большей степени становится приоритетом государственной политики всех стран Персидского залива.

Вложения в такой сегмент экономики, как «человеческий капитал», определяются руководством стран Залива в качестве стра-

тегической задачи. В результате целенаправленно выстраивается система образования, способная готовить специалистов, соответствующих требованиям частного сектора, где на первый план выходит квалификация работников.

Тем не менее консервативность политической структуры во всех рассматриваемых странах проявляется в том, что правительственные планы и программы декларируют поддержание социальной стабильности без изменения традиционных основ общества.

Рассматриваемые арабские государства в разное время вступили на промышленный путь развития, имея ряд сходных черт: изначально моноориентированную экономику, сходные климатические условия, патриархальный общественный уклад, традиционную социальную структуру общества. Еще один существенный общий фактор — патриархальный склад сознания, обостренное осознание собственной «идентичности», усиленное финансовым могуществом [Белл, Иноземцев, 2007]. Все это с неизбежностью должно было привести и привело к сепарации населения, разделению его на «коренных» и «некоренных». Отсюда нацеленность на создание условий для развития и роста исключительно коренного населения при ограничении в правах иммигрантов.

Следует обозначить еще один существенный специфический фактор: все рассматриваемые страны являются монархиями, и в данном случае имеет место ситуация, когда практически неограниченная власть монарха в проведении политических решений сочетается с широчайшими финансовыми возможностями. В качестве решающего условия, предопределившего неизбежность социально-экономических трансформаций в странах Персидского залива, а также создавшего условия для государственной политики народонаселения, направленной на повышение уровня жизни и улучшение условий труда коренного населения аравийских монархий, выступает так называемый «нефтяной фактор». Доходы от нефти формируют ресурсную базу для осуществления мер политики народонаселения, а наполненность и охват этой политики определяются нормами исламского права. Все государственные акты, соглашения и договоры, регулирующие хозяйственную деятельность, должны соответствовать закону ислама. Шариат превагирует над государственными актами. Этот фактор оказывает

значительное воздействие на социально-экономическую политику, формируя основные принципы недропользования.

Вектор социальной политики выстраивается по модели «отец нации — дети». Финансовое обеспечение мер такой политики диктуется господствующей патерналистской философией, корни которой уходят в нормы шариата, а результат выражается в том, что доходы от нефти рассматриваются как общенациональное достояние. Именно этим объясняется финансовая насыщенность осуществляемых мер политики народонаселения, которая обеспечивает достижение поставленных задач, особенно в области развития здравоохранения и образования. Иными словами, «нефтяной фактор» является важнейшим условием и разработки, и реализации активной государственной политики народонаселения в монархиях Персидского залива.

1.2. Родоплеменной уклад и социальная трансформация традиционной структуры арабского общества

Во всем облике современного арабского общества очевидны традиционные черты. В арабском мире чрезвычайно высока важность таких традиционных ценностей, как происхождение (из определенного племени/рода и местности), родственные связи, принадлежность к той или иной ветви ислама [Новейшая история, 1988]. Так, получение диплома о среднем или высшем образовании повышает материальный уровень жизни саудовца или кувейтца, но вовсе не обязательно — его социальный статус.

Фактически государство сохранило в качестве своих основных опор ислам как религию и идеологию построения светской жизни и род/племя как социальный институт. Политологи отмечают, что ислам, несмотря на все его значение для политической и социальной жизни аравийских государств, не стал основой государственной политики, включая базовые установки государственного устройства (несмотря на то, что в Саудовской Аравии, например, Коран является конституцией страны) [Васильев, 1999]. Эту функцию во многом взяли на себя социальные нормы и институты, сложившиеся на основе родоплеменных отношений [Мелихов, 2000].

Оказывая постоянно огромную финансовую помощь мусульманскому духовенству (частью которого по своему статусу главы общины верующих является сам монарх) в строительстве и реконструкции мечетей, поддержании и развитии системы исламского образования, государство упрочивало положение ислама в обществе и систему исламских идей и ценностей в сознании людей. Точно так же, искусственно поддерживая существование небольшого слоя кочевников, фактически взяв на свое обеспечение несколько десятков тысяч верблюдоводов, чье хозяйство давно стало убыточным, привлекая верхушку шейхов племен (как правило, проживающую в городах) к обсуждению некоторых вопросов государственной жизни, поддерживая в общественном сознании образ кочевника как национальный идеал, государство укрепляло ценность племени/рода в качестве социального института [Мелихов, 2000]. Семья, род, племя в этом регионе выступают основой социальных отношений. Эта же категория определяла и дальнейшее политическое развитие аравийского общества от племенного рабовладельческого строя к государственности (нужно отметить, что у бедуинских племен есть свои собственные представления о территориальных членениях, не всегда совпадающие с государственными границами).

Тем не менее на фоне происходящих социально-экономических реформ процесс ослабления родоплеменного уклада как парадигмы общественных отношений был неизбежен. Внутренняя трансформация арабских обществ стран Персидского залива началась не одновременно, но этот процесс имел один общий катализатор. Таким мощным катализатором явилась нефть, вызвавшая быстрые социально-экономические сдвиги и породившая потребность перестройки всей системы общественных отношений. Ускорился процесс классовой дифференциации, десятки тысяч обедневших кочевников и земледельцев переселялись в города, оставшиеся кочевники перешли в категорию «пенсионеров», получающих регулярную государственную финансовую помощь [там же].

В 1970-е гг. формировались местные трудовые ресурсы в нефтяной промышленности. Вследствие более интенсивного социально-экономического развития этот процесс начался прежде всего в Бахрейне и Кувейте: из-за нехватки рабочих рук на промыслах представители молодого поколения бедуинов именно здесь нахо-

дили работу. Уловив психологический перелом среди кочевников, во всех рассматриваемых монархиях (кроме Омана) правительства начали проводить в жизнь обширные поселенческие программы (с переходом к оседлому образу жизни) [Ahmed, Hastings, 1994]. За счет бюджетных ассигнований строились дома с 3–4-комнатными квартирами на столичных окраинах и вблизи промышленных центров, где имелись перспективы трудоустройства; в сельской местности осваивались и передавались в безвозмездное пользование новые земли. Переходящим к оседлости жителям предоставлялись субсидии и льготные долгосрочные кредиты. С целью более рационального использования трудовых ресурсов проводились такие смелые проекты, как переселение целых племен в другие районы страны (так, например, поступило саудовское правительство с племенем хахтан [Нугор, 1984, р. 59]).

Создание рынка рабочей силы в недрах феодального общества предполагает постепенное его созревание. В нефтяных же монархиях этот процесс прошел быстро, в течение жизни двух поколений, и имел специфические черты, определяемые не только экономическими факторами. Коренные жители были разборчивы при трудоустройстве, избегая «грязных» видов работы, что позволяли им немалые доходы семьи. Часть коренного населения, не обладавшая достаточным образованием, средствами и инициативой, поступала на государственную службу, в армию и полицию. Представители коренного населения были редки среди рабочих во всех рассматриваемых странах. Исключением была и остается нефтяная промышленность, где по соображениям национальной безопасности и престижа правительства стремятся к сохранению доминирующего положения работников из числа коренного населения.

Урбанизация, развернувшаяся в странах Аравийского полуострова в 1970–1990-е гг., сопровождалась постепенным разложением племенной общины. Развитие нефтяной промышленности повлекло за собой появление среди бедуинов отходничества — работы в городах и на нефтепромыслах. Однако очень немногие бедуины в то время окончательно порывали с племенем и привычным образом существования. Даже работая на современном производстве, они поддерживали связь с племенем, где оставалась их семья, а заработная плата нередко отдавалась отцу или вождю. Тем не менее отходничество постепенно вырывало бедуинов из

привычной среды и втягивало в водоворот современной городской жизни. Это вело к повышению грамотности кочевников, приобретению ими профессиональных навыков и квалификации, а также к переходу на новый уровень потребления. Земледельческое население в годы «нефтяного бума» значительно уменьшилось численно, а внутреннее его развитие в целом совпадало с процессом социальной трансформации кочевников. Было положено начало формированию рынка современной рабочей силы. Тем самым ослаблялись патриархально-родовые связи бедуинов, которые становились социальной базой для формирования прослойки промышленных рабочих, государственных служащих и отчасти буржуазии.

Начавшийся в 1970-е гг. настоящий «образовательный бум» привел к образованию местного «среднего класса», быстрому росту численности национальной бюрократии, служащих государственного и частного секторов. Следует оговориться, что из-за нехватки национальных кадров в нефтяных монархиях немалую часть «среднего класса» составляли выходцы из других арабских и неарабских стран, и это положение изменяется медленно [Birks et al., 1988].

Основные черты высшего слоя национальной буржуазии проявляются в семейном характере подавляющего большинства предприятий и методах ведения дел. Крупные промышленные, финансовые и холдинговые структуры в нефтяных монархиях, как правило, объединяют кровных родственников и членов семьи. Даже если первоначально предприятие было создано одним лицом, после его смерти активы распределяются внутри семьи. Традиционность методов ведения дел прослеживается и в том, что все, даже малозначительные деловые операции контролируются обычно исключительно владельцами предприятия. С 1980-х гг. по мере притока в экономическую жизнь коренных саудовцев и кувейтцев, получивших высшее образование на Западе, сокращается зависимость от наемных высших служащих «нетитульных» национальностей и возрастает степень личного контроля семьи за делами [Arabia and the Gulf, 1986].

В условиях запрета на деятельность политических партий и общественных организаций принятие государственных решений происходит в рамках семейных советов монархов при поддержке традиционных бедуинской и шариятской элит. Видные члены пра-

вящих семейств были широко представлены в правительстве, занимали руководящие посты во всех высших и средних звеньях государственного аппарата. Таким образом поддерживался прямой надзор за исполнением принимаемых решений. Вообще для крупной аравийской буржуазии обязательны связи с государством. Это может быть пребывание на государственной службе членов семьи в настоящем или прошедшем, а также деловые связи с чиновниками, желательно с членами правящей династии.

Однако в Саудовской Аравии, например, при сохранении в руках правящей династии всей полноты власти саудиды постепенно допускают к рычагам власти представителей местной буржуазии и интеллигенции. Так, в составе правительства, сформированного в августе 1995 г., из 29 членов кабинета лишь 6 являются членами правящей династии. Впервые в состав кабинета министров был введен спикер Консультативного совета, созданного по королевскому декрету в августе 1993 г. Все это отражает меняющуюся расстановку сил в саудовском обществе, в верхах которого крепнет новая буржуазия, а формирующийся средний класс приобретает экономический и политический вес в обществе.

Тем не менее даже простой анализ поименного состава правительств Кувейта, ОАЭ и Катара показывает, что ключевые посты (премьер-министров, министров обороны, иностранных и внутренних дел) по-прежнему сосредоточены в руках ближайших родственников верховных правителей.

Следует отметить, что племенная аристократия сама постепенно меняет свой социально-политический статус. Помимо обладания политической властью она превращается в привилегированный слой крупной местной буржуазии. Эта часть правящего класса, подвергшаяся значительной капиталистической трансформации, соединяет в себе новую экономическую силу и политический консерватизм. Она выступает за сохранение старой идеологии, надстроечных учреждений, норм, которые призваны сохранить за ней освященные традицией социальные привилегии в новых условиях рыночных отношений.

Очевидно, что монархи, принцы и шейхи, сохраняя за собой важные места в правительствах, вынуждены вручать часть министерских портфелей представителям крупной и средней буржуазии и, более того, технократам, способным и опытным

специалистам — выходцам из новых групп средних слоев городского общества, получившим хорошее образование. Верхушка правящего класса пополняется, кроме того, за счет представителей непривилегированных сословий, а также выходцев из других арабских стран и Ирана. Эта часть крупной буржуазии занимает подчиненное положение и вынуждена, как правило, искать опоры у представителей правящей элиты, привлекая их в качестве учредителей предприятий, неофициальных патронов-покровителей. В то же время личная уния путем заключения брака между представителями элиты и низших сословий до сих пор практически исключается.

Другая важная тенденция заключается в том, что не только высшие чиновники — представители буржуазных кругов, но и члены монархических кланов активно занимаются предпринимательской деятельностью. Они используют свое положение, несмотря на то что в арабских монархиях государственным чиновникам, занимающим высокие посты, официально запрещено заниматься частным бизнесом [Мелихов, 2000].

Невзирая на все более проявляющуюся тенденцию проникновения средних слоев в кабинеты министров ОАЭ и Катара, характер власти в обеих странах к началу XXI в. практически не претерпел каких-то коренных изменений. Во-первых, представители правящих семей сохраняют за собой важнейшие министерства, а также осуществляют губернаторскую власть. Во-вторых, включение представителей буржуазии и средних слоев городского общества в бюрократическую элиту не являлось результатом политического давления со стороны этих слоев населения, а было лишь практической необходимостью привлечения компетентных специалистов для руководства современными отраслями экономики. В-третьих, было бы неверно преувеличивать значение появления в правящей прослойке выходцев из средних слоев городского общества или чиновничества. История знает достаточно фактов выдвижения представителей низов в ряды служилой аристократии феодальной монархии и буржуазного государства, что никак не свидетельствовало об изменении характера этих режимов. В-четвертых, эти новые представители верхушки государственного аппарата не принимают политических решений в условиях неограниченной монархической власти, а являются только высокопоставленными

исполнителями решений, принятых монархом и его неофициальным окружением.

Во многом сохранению такой ситуации способствуют в некоторых странах Персидского залива положения конституций, которые утверждают неравноправные отношения между исполнительной властью и действующими институтами сословного представительства.

Сложившиеся в монархиях Персидского залива механизмы государственной власти и политические режимы не подлежат регулированию легитимным путем ввиду как неразвитости законодательства в области государственного строя, так и глубоко укоренившихся религиозно-племенных традиций. Именно этот механизм функционирования и поддержания уникального в своем роде патерналистского типа монархий определяет характер внутривнутриполитических процессов в этих странах и их особое положение среди развивающихся государств.

Совокупность методов сохранения верховной власти, входящая в понятие политического механизма функционирования монархий, в той или иной степени характерна для всех нефтяных государств Аравии и цементирует их правящие династии в единый господствующий слой. Установленные им политические режимы по-прежнему строятся на жестких иерархических принципах, в основе которых остаются исторические, племенные и религиозные устои. Поэтому для каждой из правящих семейств Аравии особое значение имеет династическая солидарность, проявляющаяся особенно ярко во время тех или иных кризисных ситуаций либо при необходимости решения вопросов престолонаследия.

Система правления остается в своей основе патерналистской, базирующейся на союзе правящих семейств с наиболее консервативными силами общества. Стремление к сохранению такой ситуации прослеживается в многочисленных официальных документах, включая даже планы социально-экономического развития рассматриваемых стран. Там многократно встречается термин «социальный мир», под которым понимается стремление властей решать почти исключительно проблемы коренных жителей, а не всего населения. В специфических условиях этих стран, где не имеющие местного гражданства иностранцы составляют большинство населения, такая политика неизбежно ведет к превращению граждан нефтяных монархий в привилегированную элиту.

Социальная дифференциация и вся совокупность общественных процессов, обусловленных необходимостью стать полноценным участником мировых экономических процессов, заставляют правящую элиту все чаще задумываться о будущем государственно-политического развития. Так, в 2005 г. в Саудовской Аравии прошли первые в истории страны муниципальные выборы. Власти уже назвали их важнейшим этапом на пути либеральных реформ, «несмотря на то, что только половина вакансий в местных советах выборная, а женщины вообще не принимали участия в голосовании. Но в будущем все изменится. Ведь в законе не говорится непосредственно, кто имеет право голосовать, а кто нет» [Newsweek, 2005, p. 12].

В целом родоплеменные отношения в странах Персидского залива выступают важным фактором, оказывающим заметное влияние на развитие демографической ситуации (мы оставляем в данном случае за рамками анализа аспекты, моделирующие стереотипы семейных отношений) и на формирование государственной политики. Происходящая в странах Персидского залива модернизация социальной структуры имеет своим результатом формирование сильного госкапиталистического уклада, в котором правление характеризуется отчетливо выраженным патерналистским отношением к коренному населению. Персонифицированная форма правления, основанная на родоплеменной структуре традиционного общества, обусловила сложившуюся в монархиях Персидского залива модель взаимоотношений с подданными по типу «отец нации — дети». Именно эта модель во многом определяет позицию правящих кругов в отношении политики народонаселения.

Демографические последствия социальной трансформации традиционного аравийского общества с особенной очевидностью проявляются на фоне изначальной устойчивости многодетности в процессе модернизации и повышения качественных характеристик населения, что ведет к изменению репродуктивного поведения в условиях повышения уровня жизни и устойчивой среднететности в Омане и Саудовской Аравии. В Бахрейне же, ОАЭ, Кувейте и Катаре наметилась тенденция к малодетности.

Во всех странах Персидского залива происходит рост доли грамотных женщин и охвата девочек школьным образованием.

К 2005 г. процент девочек, обучающихся в начальной школе, достиг 95–100% (кроме Омана и Саудовской Аравии, где этот показатель составил соответственно 80 и 65%; см. табл. III Приложения).

1.3. Фактор окружающей среды в развитии населения стран Персидского залива

Перед большинством стран арабского мира, несмотря на существующие значительные различия в уровне их экономического развития, стоит одна общая проблема, вызванная сходством природно-климатической ситуации и общих тенденций демографического роста. В ходе многих межарабских конференций, посвященных развитию населения, демографии и природопользованию, все чаще поднимается вопрос о том, что одной из самых серьезных по социальным последствиям проблемой, влияющей на развитие населения в арабском регионе, становится недостаточность природных, прежде всего водных, ресурсов, а также об экологических проблемах, связанных с природопользованием [Хансен, 1995; El-Khorazaty, 1996].

Ограниченность природных ресурсов, имеющих жизненно важное значение для населения и его воспроизводства, в частности пресной воды и плодородных земель, в сочетании с быстрым ростом числа жителей создает в странах Персидского залива серьезную проблему, влияющую на развитие населения. Степень обеспеченности водными ресурсами существенно влияет на его размещение и, в известной мере, ставит пределы его росту. Сегодня в арабском мире вполне уместно поднимается вопрос об упреждающем реагировании, которое начинается не после, а до того, как кризисные явления становятся очевидными. Этому в демографии долгое время препятствовала традиция узкоспециализированного видения и отсутствие должного комплексного подхода к проблемам. На подобную тенденцию многих современных исследований было справедливо обращено внимание в Отчете независимой комиссии ООН по населению и развитию: «При усиливающейся фрагментации знаний и экспертных заключений, в сочетании с углубленной специализацией профессионалов все это препятствовало установле-

нию связи между факторами роста населения и развития» [ООН, 2001].

Особенностью прогнозирования и моделирования демографических процессов является то, что решаемые задачи, как правило, носят комплексный характер, т. е. лежат на стыке различных областей человеческой деятельности — они не являются ни сугубо экономическими, ни сугубо социальными, а включают в себя и финансовые, и демографические, и медицинские, и гендерные, и иные составляющие. Это создает дополнительные сложности в организации и проведении демографического прогнозирования, поскольку моделирование носит междисциплинарный характер. Трудность междисциплинарных исследований состоит и в том, что в область с хорошо устоявшимися и традиционными подходами, такую как демография, делается попытка ввести новые методы, развитые в других науках. Г. Хакеном предложено название «синергетика» для области междисциплинарных исследований, в которой развиты общие принципы динамики систем [Хакен, 1985].

Подавляющее большинство исследований по проблемам природопользования направлены на изучение отдельных аспектов, игнорируя сложную систему, частью которой они являются. Для решения вопросов взаимосвязи населения и окружающей среды необходима всесторонняя и интегрированная оценка множества факторов средствами всех наук, от естественных до общественных. Если говорить о системе взаимодействия комплекса природных факторов и развития населения каждой конкретной страны, следует отметить, что анализ такой системы — это сложная, многопараметрическая задача, связанная с долгосрочным прогнозом ряда параметров и анализом финансовых, демографических, экологических, инвестиционных и иных аспектов, зачастую имеющих вероятностную природу. Моделирование процессов взаимодействия окружающей среды и народонаселения связано с комплексным анализом явлений в области заданного поля исследования и регламентируемых ими сквозных факторов, которые и являются основным объектом оценки и анализа.

Ключевое понятие для данной системы — взаимодействие. Именно взаимосвязанность и взаимозависимость современного мира, обусловленные транспортными и торговыми связями, миграционными и информационными потоками, объединяют все страны

в единое целое и дают неоспоримые возможности рассматривать сегодня мир как глобальную систему [GCIM, 2005; Ahmed, Hastings, 1994]. Это не только большое число взаимосвязанных процессов, происходящих в системе, но и нелинейно-статистический характер этих закономерностей, исключающий детальное описание происходящего. В настоящее время постоянно расширяется сфера применения методов исследования нелинейных систем и синергетики, что открывает новые возможности для изучения явлений, которые в силу своей сложности требуют именно таких методов исследования [Курдюмов, Князева, 1994].

В Международном институте прикладного системного анализа (International Institute for Applied Systems Analysis – IIASA) в г. Лаксенбурге (Австрия) в рамках проекта «Народонаселение» была разработана модель, получившая название PDE (Population – Development – Environment). Главная идея состоит в том, чтобы усилиями межотраслевой команды ученых выработать количественную мультифакторную модель, где будут учитываться наиболее важные факторы и их взаимодействие для исследуемой страны или региона.

В контексте анализа демографической ситуации в странах Персидского залива особый интерес представляет разработанная в IIASA методика построения количественной модели водопотребления в засушливых регионах, в создании которой принимали участие гидрологи и демографы [Clarke, Noin, 1998]. Впрочем, предложенная модель ставила целью не столько определить корреляцию между основными демографическими показателями и водообеспечением страны/региона, сколько количественно определить роль фактора водообеспеченности в формировании пределов роста населения и динамике показателей смертности. Ограничителем в данной модели выступает то, что рождаемость и смертность определяются сложным набором факторов, которые не подлежат простому суммированию и введению линейных причинно-следственных связей в качестве переменных [Lutz, 1996a]. Тем не менее результаты такого моделирования могут быть основой для количественного прогноза, а также для разработки предложений по влиянию на ситуацию.

Создание полномерной модели взаимодействия и взаимовлияния демографических процессов и окружающей среды, представляющей связи и взаимодействия между факторами, от которых

зависит рост населения, и их сложную подчиненность и взаимозависимость, является чрезвычайно сложной научной задачей, тем более что в связке «динамика роста населения — окружающая среда» одной из основных проблем становится отсутствие точных и неоспариваемых демографических и экологических индикаторов по данным странам [ibid.].

В рамках настоящего исследования делается попытка более четко обозначить определенный аспект данной проблемы — проблему наличия и использования водных и земельных ресурсов (без учета «нефтяного фактора») в связи с перспективами роста численности населения и улучшения условий жизни в государствах Персидского залива.

Страны южного побережья Персидского залива — небольшие по территории (кроме Саудовской Аравии, которая занимает значительную часть пустынного Аравийского полуострова). Кроме того, имеющиеся в их распоряжении земли являются преимущественно пустынными, неплодородными, а запасы пресной воды на этой территории ограничены. В шести рассматриваемых монархиях — Саудовской Аравии, Омане, ОАЭ, Катаре, Бахрейне, Кувейте — проживает порядка 35 млн человек (25 млн из них — в Саудовской Аравии), что составляет 15% от населения арабского мира в целом. Коэффициент ежегодного естественного прироста населения колеблется в пределах от 1,3% в ОАЭ до 2,0% в Саудовской Аравии, причем в последнее десятилетие этот показатель сократился как минимум в 1,5 раза для всех рассматриваемых государств [UN, 2007b]. В то же время перечисленные монархии являются наиболее «успешными» по показателям социально-экономического развития и, согласно классификации ООН, входят в группу стран с «высоким» или «очень высоким» уровнем развития человеческого потенциала [UNDP, 2009].

При этом нужно подчеркнуть, что в странах арабского мира и, в частности, Аравийских государствах наличие питьевой воды является определяющим фактором в формировании демографической ситуации. Эффективное использование недостаточного водного ресурса стало одной из главных социальных задач рассматриваемых монархий, поскольку темпы прироста населения делают острой проблемой водную пригодность областей проживания. Кроме того, в условиях Арабского Востока очень активно происходят

эрозионные процессы [UNDP, 2008]. Угроза относительному благополучию населения здесь кроется в том, что природные ресурсы — земля, растительный покров, вода — являются константной величиной, в то время как численность жителей увеличивается как вследствие естественного прироста, так и притока трудоспособных иностранцев. Таким образом, существующее относительное равновесие оказывается крайне неустойчивым [Clarke, Noin, 1998].

В обобщенном виде характеристика водных ресурсов стран Персидского залива представлена в табл. 1.

Таблица 1

Водные ресурсы в странах Персидского залива

Страна	Воды поверхностного стока, млн м ³	Подземные воды, млн м ³ /год		Возобновляемый запас, млн м ³	Количество воды на душу населения, м ³
		Ежегодные поступления	Резерв		
ОАЭ	150	5000	134	284	378
Бахрейн	...	...	90	90	245
Саудовская Аравия	3208	35 405	2338	5546	548
Оман	1470	...	564	2034	2002
Катар	...	2500	55	55	309

Источник: [Аль-маварид, 1990, с. 140].

Если судить по абсолютным цифрам, то наилучшие количественные показатели характерны для Саудовской Аравии (по хранимым водным ресурсам). Ежегодное поступление влаги и возобновляемый запас ее существенно перекрывают национальные показатели других стран.

Однако, несмотря на то что Саудовская Аравия обладает крупнейшим среди стран Персидского залива запасом подземных вод, потребность в пресной воде здесь обеспечивается в основном именно за счет невозобновляемых подземных источников, а их обнаруженных запасов, по прогнозам специалистов, стране хватит только на 30 лет. Поскольку спрос на воду для ирригации, промышленности и нужд населения растет в среднем на 4% в год, составляя

ются государственные планы по строительству дополнительных опреснительных заводов. При этом нужно подчеркнуть, что до 60% стоимости опресненной воды для населения дотируется правительством Саудовской Аравии.

Если учесть более значительную численность населения в Саудовской Аравии по отношению к другим странам Персидского залива (около 25 млн человек) и темпы его роста (2% в год), то обеспеченность водными ресурсами здесь является острой эколого-демографической проблемой.

Наиболее сложная обстановка складывается в Катаре, который занимает последнее место по показателям, определяющим его государственную жизнеспособность с точки зрения наличия возобновляемых ресурсов воды.

Если рассматривать ситуацию под углом зрения обеспеченности водой в расчете на душу населения, то лучшее положение имеет Оман, по показателям в 4–10 раз перекрывающий соседние страны. Однако и они уступают в 1,5–2 раза данным по некоторым другим странам Арабского Востока, которые испытывают острый дефицит воды. Другими словами, обеспеченность водными ресурсами Аравии является относительной и по существу может расцениваться как пребывание на грани водного голода [UNDP, 2008].

В географическом смысле все арабские страны могут быть классифицированы как засушливые. Понятие засушливости, или аридности, расплывчато: под понятие «пустыня» в разных странах мира могут попадать различные по своим свойствам территории. Поэтому в 1977 г. в соответствии с Программой «Человек и биосфера» ЮНЕСКО была введена более четкая система классификаций и определены три типа засушливых зон: гиперзасушливые (гипераридные), засушливые и полузасушливые (табл. 2).

Согласно данным Программы ООН по окружающей среде (UNEP), гиперзасушливые, практически не получающие осадков (менее 100 мм в год) зоны покрывают 7,5% поверхности Земли. Аридные зоны занимают 12,1% мировой поверхности и получают до 300 мм осадков в год; они главным образом сконцентрированы в Западной Азии и на севере Африки. Полузасушливые зоны (300–800 мм среднего ежегодного уровня осадков) покрывают 17,7% поверхности Земли. Итого, более трети земной суши страдают от недостатка воды и влаги [UNEP, 2006].

Типы засушливых зон

Зона	Климат	Растительность
Гиперзасушливые (extreme desert)	Жаркий, экстремально сухой, практически без осадков	Практически отсутствует
Засушливые (desert)	Жаркий, редкие дожди, высокая сухость	Скудная
Полузасушливые (semi-arid)	Жаркий, менее сухой, с вероятностью дождей	Травный покров, степь, буш или сухая савана

Источник: [Аль-маварид, 1990, с. 135].

Естественно, что большая часть населения в засушливых странах сконцентрирована в наименее пустынных областях. Распределение населения чрезвычайно «мозаично» из-за различной степени засушливости в разных регионах страны. Это можно считать одной из характерных особенностей засушливых стран, где основной процент населения проживает вдоль более влажной прибрежной полосы, и эта диспропорция дополнительно усиливается процессами урбанизации [Lutz, 1996b].

В данной связи обращает на себя внимание разная плотность населения в странах Персидского залива. Так, в Бахрейне на 1 км² проживают в среднем более 600 чел. Исключительно высока концентрация населения в городах. При этом в Кувейте в городах проживают 98% населения; Катар — 93%; Бахрейне — 95%; в Омане — 84% [UN, 2007a]. Соотношение территории суши, которая принадлежит тому или иному государству, и площади земель, пригодных для возделывания, наглядно демонстрирует зависимость населения от климатических условий и особенностей топографической структуры. Например, только около 0,5% территории ОАЭ пригодно для сельскохозяйственного использования; в Омане и Кувейте этот показатель еще меньше — 0,3% [ЮНФПА, 2005].

Соотношение площадей орошаемых пахотных земель с общей территорией страны и состояние окружающей среды в целом, помимо собственно потребности в воде, оказывают непосредственное влияние на темпы роста населения. Не удивительно поэтому, что в рассматриваемых государствах высокий уровень рождаемо-

сти сочетается с культивированием бережного отношения к среде обитания, осуществлением сложных ирригационных проектов, «отвоевыванием» суши у моря для городского строительства. Конечно, возможности реализации сложных систем искусственного орошения и ирригации зависят прежде всего от экономического потенциала страны. Так, в Катаре практически 100% всей земли, имеющей сельскохозяйственное значение, имеет ирригационные системы [Caring for the Future, 1996].

Таблица 3

**Природные ресурсы и характеристики населения ряда стран
Персидского залива**

Страна	Плотность населения (чел. / 1 км ²)	Импорт продовольствия (% общего импорта товаров)	Обрабатываемые земли (% от общей террито- рии)	Орошаемые земли (% от обрабатываемых земель)	Внутренние возобнов- ляемые водные ресурсы на душу (тыс. м ³ / год)	Ежегодное потребле- ние пресной воды	
						% от общих водных ресурсов	м ³ на душу на- селения
Кувейт	100	...	0,3	40,0	...	...	28
Оман	12	19	0,3	92,1	1,2	22	561
Катар	55	...	0,6	114,3	...	174	234
Сау- довская Аравия	99	16	1,7	25,6	0,1	106	321

Источник: [Lutz, 1996b, p. 3].

Как демонстрируют приведенные в табл. 3 данные, страны Персидского залива уже сейчас «выбирают» значительную часть своих потенциально доступных водных ресурсов. Богатые нефтедобывающие аравийские монархии сумели превысить «естественный предел» возобновляемой их части. Однако «избыточное» потребление воды, основанное на невозобновляемых ресурсах (вода подземных линз и нефть), не может быть долгосрочной стратегией жизнеобеспечения [UNPD, 2008].

В том, что касается внутренних возобновляемых водных ресурсов на душу населения, практически во всех арабских государствах отмечается сходная ситуация — этот показатель чрезвычайно низок, хотя существует определенный разброс в национальных уровнях. Единая для всех рассматриваемых стран проблема заключается в том, что относительно быстрый рост населения в течение ближайших десятилетий, обуславливаемый сложившейся молодой возрастной структурой населения, накладывается на уменьшающееся количество внутренних возобновляемых водных ресурсов. Таким образом, неизбежно уменьшатся показатели водообеспеченности, что может в конечном итоге привести к искусственному замедлению прироста населения.

Перед аравийскими странами, как и перед арабским миром в целом, стоит острейшая проблема — как быстро растущее население сможет существовать при ограниченных природных ресурсах, особенно при острой нехватке пресной воды в монархиях Персидского залива. Ключевой проблемой в этом контексте является управление водными ресурсами. Отсутствие очистных предприятий на территориях означает, что сточные воды выливаются на землю, загрязняя водоносные слои и отравляя чистую воду. Кроме того, они попадают в океан, загрязняя побережье. Если эта ситуация не изменится, могут оказаться загрязненными основные водоносные слои. Проблема становится еще серьезнее, если принять в расчет прогнозы климатических изменений, которые могут произойти в результате глобального потепления. Прогнозируемое увеличение среднегодовой температуры для стран арабского мира составляет 3–5 °С, что значительно выше ожидаемого среднего потепления на общемировом уровне [UNDP, 2008].

IIASA на основе разработанных им методик моделирования представил вероятностный прогноз динамики численности населения по разным регионам мира до 2100 г. [Lutz, 1996a). Прогноз для ближневосточного региона предполагает, что даже по среднему сценарию первое удвоение численности населения в данном регионе произойдет уже к 2020 г., что подтверждается более поздними прогнозами ООН [UN, 2007b].

Две важнейшие тенденции XXI столетия — быстрый прирост населения и общее потепление климата — обостряют уже суще-

ствующие проблемы. Конечно, быстро развивающийся технический прогресс вкупе с экономическим и социальным развитием может найти выход из дилеммы увеличения численности населения и ухудшения условий внешней среды. Однако в странах Персидского залива, например, ситуацию усугубляет высокая плотность населения в городах, засушливость климата и общая скудность природных ресурсов. А отсутствие серьезной межарабской кооперации в этом вопросе фактически провоцирует ежедневное ухудшение ситуации. Среди арабских государств существуют диаметрально противоположные взгляды на климатические изменения. Так, бурно развивающиеся нефтедобывающие страны Персидского залива и Ливия выступают против любого соглашения в рамках Киотского протокола, в то время как Египет на правительственном уровне уже поднимает вопросы взаимосвязи экологического равновесия и развития населения.

Исторически вся арабская экологическая традиция строилась на пассивном восприятии явлений естественного происхождения. Задача сводилась к приспособлению к климатическим условиям, тому, чтобы довольствоваться имеющимся и не пытаться получить больше, не провоцировать ускоренное разрушение среды обитания. Оптимальный результат получался за счет диверсификации методов обработки угодий сообразно с экологическим фактором. Однако следует отметить, что подобная гармония поддерживалась только при условии использования доиндустриальных методов сельскохозяйственного труда, а при резком увеличении численности населения ситуация теряет равновесие [Хансен, 1995].

Именно поэтому в настоящее время в странах Персидского залива власти пытаются стимулировать создание таких производств, которые, с одной стороны, основывались бы на современных экологически ориентированных технологиях, а с другой — учитывали бы традиционные, проверенные веками аграрные приемы. Иными словами, упор делается на тесное соединение традиционных методов и современных технологий в попытках добиться устойчивого роста сельского хозяйства, сохранить экологически приемлемые параметры среды обитания и оградить земельный фонд от деградации и уничтожения. Сегодня практика государственного лицензирования посевов или использование других форм жесткого регу-

лирования количественных и качественных показателей аграрной деятельности широко применяется во всех государствах Персидского залива.

Необходимо обозначить еще один существенный момент государственного регулирования в сфере природопользования, являющийся специфической особенностью мусульманских стран. Согласно конституциям, в подавляющем большинстве из них принципы шариата как комплекса исламских норм и правил поведения рассматриваются в качестве единственного источника всех отраслей права. Все государственные акты, соглашения и договоры, регулирующие хозяйственную деятельность, должны находиться в соответствии с исламским законом. В любом случае шариат превалирует над государственными актами.

Этот принцип характерен и для нефтедобывающих стран Аравии. Здесь важно подчеркнуть, что по части недропользования исламское право утверждает суверенитет государства в регулировании деятельности, связанной с добычей и переработкой полезных ископаемых, и требует использования этих ресурсов в интересах всех членов общества. Исходным постулатом выступает сура 2:284 Корана: «Аллаху принадлежит то, что в небесах и на земле».

Поскольку Коран напрямую не касается горнодобывающей промышленности, принципы отношений в данной сфере оформляются правовыми мнениями представителей исламских течений и школ, основывающимися на канонических сборниках хадисов и формирующими в наши дни правовую базу, включая школу Ханбали, выступающую в качестве официальной доктрины в Саудовской Аравии и широко утвердившуюся в Кувейте. Исламское право предписывает получение первоначально разрешения имама — верховного правителя — на любую деятельность в сфере эксплуатации природных ресурсов в пределах исламского государства. Решения не могут приниматься без опоры на правовую базу, разработанную религиозными деятелями. В подходах современных исламских правоведов многие виды объектов имущества исключаются из области, где возможно частное владение (воздушное пространство, крупные реки и автострады, мечети, больницы, школы), многие сферы деятельности рассматриваются как общественные (образование, наука, здравоохранение, поддержка

малообеспеченных слоев населения) [Ahmed, Hastings, 1994]. Этот фактор, как будет показано в главе 3, оказывает значительное воздействие на выработку политики народонаселения. Здесь же важно подчеркнуть, что ислам выступает в арабском мире важнейшим «наднациональным» ресурсом, открывающим возможности для проведения согласованной политики природопользования, в том числе в области предотвращения эрозии почв, водопользования, сохранения экологического баланса.

Следует также учитывать, что авторитарный характер всех режимов в странах Персидского залива предполагает невысокую общественную активность коренного населения; правящие режимы допускают существование любых форм гражданского общества только под своим контролем. Поэтому сопровождающиеся негативными экологическими последствиями действия властей в области индустриализации, урбанизации, интенсификации сельского хозяйства не могут никоим образом контролироваться со стороны гражданского общества.

Таким образом, десятилетия интенсивного экономического развития, сопровождавшиеся избыточным давлением на ресурсы и просчетами в их использовании, привели к возникновению серьезных экологических и эколого-демографических проблем в странах Персидского залива. В настоящее время перед этими государствами стоят задачи перераспределения и более эффективного использования водных ресурсов и изменений в системе землепользования для предотвращения эрозии почв и опустынивания. Реализация этих задач непосредственно связана с проведением государственной политики народонаселения. Фактически странам Залива необходимо осуществление трехзвенной стратегии, направленной на достижение сбалансированности факторов экономического, экологического и социального развития:

- 1) защитить водные ресурсы, осуществить диверсификацию источников воды за счет программ опреснения, внести изменения в систему землепользования и модернизировать технологии в сельском хозяйстве;

- 2) поддержать существующие рамки реального участия местных общин в управлении ресурсами;

- 3) защитить хрупкие экосистемы, уделяя особое внимание сохранению разнообразия биосферы и прибрежных зон.

Даже постановка вопроса о подготовке государственных программ регулирования природопользования в контексте именно политики народонаселения является позитивным моментом, однако реальные механизмы взаимодействия факторов окружающей среды и развития населения в арабском мире еще не разработаны. В то же время именно эта задача признана второй по приоритетности в странах Персидского залива после реализации программ в области образования и здравоохранения [Scott, Khalifa, 1996].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нефтедобывающие монархии Персидского залива провели процесс развития и модернизации экономики, сохранив традиционные основы и социальную систему аравийского общества, кардинально изменив уровень жизни и условия труда подданных, что отразилось в динамике процесса воспроизводства, коренящегося в исламском мировоззрении.

Двуединая задача, которую ставят перед собой правящие режимы в странах Персидского залива в социально-демографической сфере, заключается, с одной стороны, в создании для подданных возможностей приобщения к современным услугам здравоохранения, получения образования и участия в экономической жизни, повышения их жизненного уровня, а, с другой стороны, в сохранении незыблемости традиционных основ аравийского общества. Казалось бы, данная задача успешно решается. Об этом свидетельствует относительная политическая стабильность существующих режимов и поддержание известного социального мира.

Однако нельзя не заметить, что осуществление этих задач во многом противоречиво. По своим последствиям оно неизбежно повлечет трансформацию социально-демографической структуры аравийского общества, будет способствовать вовлечению женщин в общественное производство, т. е. работу вне дома, способствовать сокращению рождаемости, постепенно разрушая традиции большой арабской семьи.

Будущее покажет, насколько удастся в условиях конкретного, в существенной степени закрытого для внешнего воздействия (религией и жесткой иммиграционной политикой) региона, где сложилась исключительно благоприятная экономическая конъюнктура, обеспечивающая рост уровня жизни коренного населения, сохранить незыблемость традиционных основ общества. В целом политика народонаселения в рассматриваемых странах Персидского залива в течение последней четверти XX в. и в начале XXI в. характеризовалась следующими чертами.

1. Время исключительного нефтяного благополучия, начавшееся для стран Персидского залива в середине 1970-х гг.,

существенным образом сказалось на государственной социальной политике, и было использовано во многом во благо коренного населения этих государств. Усиление государственного сектора за счет национализации нефтегазового сектора, признание «общественными» сфер образования, науки, здравоохранения, переселение десятков тысяч кочевников и земледельцев в города, рост уровня образования подданных, сокращение смертности и повышение средней продолжительности предстоящей жизни — все это было результатом целенаправленной политики правящих режимов, основанной на патерналистском отношении к коренному населению.

2. Наиболее заметными результатами политики народонаселения в рассматриваемых странах являются: снижение уровня смертности, особенно младенческой и детской, улучшение репродуктивного здоровья женщин. Вследствие более высокой выживаемости детей сформировалась среднететность в регионе и наметилась тенденция к малодетности в ОАЭ, Бахрейне.

3. В известной степени политика народонаселения осуществляется и на межгосударственном уровне. Так, одной из первоочередных задач Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива является взаимодействие в области развития здравоохранения в регионе. На этом пути достигнуты заметные успехи, в частности в области борьбы с эпидемиологическими заболеваниями, проведения массовой вакцинации населения и снижения смертности от экзогенных причин.

4. В сфере управления миграционными процессами страны Персидского залива проводят жесткую иммиграционную политику, сдерживая приток «некоренного» населения, однако широко применяя привлечение иностранной рабочей силы на временной основе. Получение мигрантами социальных льгот, медицинского обслуживания, отпуска и т. д. определяется трудовым контрактом и не является предметом законодательства. Прочно «встроенные» в экономическую структуру государств Персидского залива трудовые мигранты оказываются исключенными из их социальной и политической структуры. Создание и искусственное поддержание социальных, культурных и правовых различий между подданными и иностранцами наиболее последовательно реализуется в «малых» нефтяных монархиях (Кувейт, Катар, Бахрейн).

5. В специфических условиях массового присутствия иностранцев на рынках труда стран Залива важным направлением политики народонаселения становится политика в области занятости, осуществляемая правительствами этих государств. Статус подданного обеспечивает ему и получение дохода, например системой *кафала*, принуждающей иностранных инвесторов и предпринимателей к партнерству с полноправными подданными монархий. Коренным жителям предоставляются абсолютные преференции при трудоустройстве: дифференциация заработной платы для подданных и иностранцев, введение квот для них в частном секторе и т. д. Они имеют широкие возможности получения образования и профессиональной подготовки, что приводит к росту национального «среднего класса».

Повышение уровня жизни и изменение качественных характеристик населения является основной целью политики народонаселения и реализуется через меры, направленные на снижение смертности, улучшение здоровья населения, включая репродуктивное здоровье, расширение возможностей для получения образования и профессиональной подготовки, рост уровня доходов, право коренного населения на социальную поддержку государства, жесткую миграционную политику.

Политика патернализма, со своей стороны, очерчивает принципы, на которых строится миграционная политика и политика занятости, и проводит четкую разграничительную черту между гражданами стран Залива и иностранцами, находящимися там.

БИБЛИОГРАФИЯ

---

1. *Александров Ю. Г.* Аграрное перенаселение в странах Востока. М.: Наука, 1988.
2. Аль-маварид аль-майий фи-ль-ватан аль-арабий [Водные ресурсы в арабском отечестве; на араб. яз.]. Дамаск, 1990.
3. *Андреасян Р. Н., Виноградова Л. В.* Минеральные ресурсы и промышленное развитие // Проблемы индустриализации развивающихся стран. М.: Мысль, 1971.
4. *Араб-Оглы Э. А.* Демографические процессы и социальные проблемы XX века // Мировая экономика и международные отношения. 1981. № 11.
5. *Архипов В. Я.* Международная миграция рабочей силы в Азии (70–80-е гг.). М.: Институт востоковедения РАН, 1997.
6. *Белл Д., Иноземцев В.* Эпоха разобщенностей. Размышления о мире XXI века. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007.
7. *Боярский А. Я., Урланис Б. Ц.* Демографическая политика в СССР. К методике прогноза населения // Вестник Академии наук СССР. 1972. № 9. С. 60–70.
8. *Боярский А. Я.* Население и методы его изучения. М., 1975.
9. *Валентей Д. И.* Теория и политика народонаселения. М., 1967.
10. *Валентей Д. И.* Проблемы управления процессами развития народонаселения // Вопросы философии. 1978. № 2.
11. *Васильев А. М.* История Саудовской Аравии (1945 – конец XX в.). М., 1999.
12. Демографическая политика в современном мире / под ред. А. Г. Вишневого. М.: Наука, 1989.
13. *Волков А. Г., Михайлов Е. Б.* Проблемы демографии и разработки концепции в области политики населения России // Вестник научно-методологического Совета Госкомстата России. 1993. Вып. I. С. 14–23.
14. *Воскресенский А. Д.* Политические системы и политические культуры Востока. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007.
15. Всемирная история экономической мысли. Т. 5. Теоретические и прикладные концепции развитых стран Запада. М.: Мысль, 1994.
16. *Георгиев А. Г., Озолинг В. В.* Нефтяные монархии Аравии. М., 1983.
17. *Гузеватый Я. Н.* Демографо-экономические проблемы Азии. М., 1980.
18. *Гузеватый Я. Н.* Демографическая ситуация и проблема использования трудовых ресурсов в развивающихся странах Азии (экспертный доклад). М., 1990.
19. *Густерин В. П.* Города Арабского Востока. М.: Восток-Запад, 2007.

20. Демографическая политика: сб. науч. статей. М., 1974.
21. Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д. И. Валентей. М.: Советская энциклопедия, 1985.
22. *Закария М. Г., Яковлев А. И.* Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI века. М.: Наука, 1998.
23. *Ивахнюк И. В.* Международная трудовая миграция. М.: Изд-во экон. ф-та МГУ; ТЕИС, 2005.
24. *Ионцев В. А.* Мировые миграции. М., 1992.
25. *Ионцев В. А.* Международная миграция населения и глобализация мирового хозяйства // Международная экономика. 2006. № 2, 3.
26. *Каменский А. Н.* Проблемы международного трудового обмена и Россия. М.: Московский общественный научный фонд, 1999.
27. *Косач Г. Г.* Саудовская Аравия: внутривнутриполитические процессы «этапа реформ» (конец 1990–2006 гг.). М.: Институт Ближнего Востока, 2007.
28. *Краснова Н. В.* Особенности демографического поведения в арабских странах // Политика народонаселения: настоящее и будущее: доклады Международной конференции «Четвертые Валентеевские чтения» (Москва, 7–9 апреля 2005 г.). Кн. 2. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 41–47.
29. *Краснова Н. В.* Потребности населения арабского региона в водных ресурсах // Экономика и управление. 2008. № 1. С. 211–213.
30. *Краснова Н. В.* Демографическая динамика населения в странах Персидского залива // Экономика и управление. 2008. № 2. С. 232–235.
31. *Краснова Н. В.* Миграционная политика стран Персидского залива // Экономика и управление. 2008. № 5. С. 64–68.
32. *Краснова Н. В.* Кадровая политика и развитие населения стран Персидского залива // Экономика и управление. 2009. № 1/4. С. 54–58.
33. *Курдюмов С. П., Князева Е. Н.* У истоков синергетического видения мира // Самоорганизация и наука. Опыт философского осмысления. М.: ИФ РАН, 1994. С. 162–186.
34. *Ливи-Баччи М.* Политика в области народонаселения: сравнительные перспективы // Международный журнал социальных наук. Вып. 8: Население: проблемы и политика / РАН; ЮНЕСКО. 1995. Февраль. С. 27–44.
35. *Мелихов И. А.* Монархии Персидского залива: этап модернизации. М., 2000.
36. МОТ. Доклад VI Международного бюро труда // За справедливый подход к трудящимся-мигрантам в глобальной экономике: Международная конференция труда. 92-я сессия. Женева, 2004. URL: <http://www.ilo.org/publus>.
37. Народонаселение. Энциклопедический словарь. М.: БСЭ, 1994.
38. Население и глобализация / под ред. Н. М. Римашевской. М.: Наука, 2002.

39. Новейшая история арабских стран Азии (1917–1985). М.: Наука, 1988.
40. ООН. Детерминанты и последствия демографических тенденций. Т. 1. Нью-Йорк, 1975.
41. ООН. Отчет по человеческому развитию за 1994 г. Нью-Йорк, 1995.
42. ООН. Материалы комиссии по народонаселению и развитию от 26.04.2001. 34-я сессия / Департамент по экономическим и социальным вопросам Секретариата ООН. Отдел народонаселения // Сборник докладов ООН. Документ ESA/P/WP.164. 2001.
43. ООН. Доклад о развитии человека за 2001 год. Нью-Йорк, 2002.
44. ООН. Доклад о развитии человека за 2003 год. Резюме. Нью-Йорк, 2004.
45. *Сиверцева Т. Ф.* Семья в развивающихся странах Востока (социально-демографический анализ). М.: Наука, 1985.
46. *Сигов Ю.* Государство может быть эффективным собственником // Профиль. 2005. № 13. URL: <http://www.profile.ru/items/?item=11275>.
47. *Скелдон Р.* Социальные и экономические аспекты миграции: дискуссия о взаимосвязи миграции и развития // Миграция и развитие. Науч. сер. «Международная миграция населения: Россия и современный мир» / гл. ред. В. А. Ионцев. Вып. 20. М.: СП «Мысль»; Би-Эль Принт, 2007. С. 232–246.
48. *Старченко Г. И.* Трудовые миграции между Востоком и Западом. М.: Институт востоковедения РАН, 1997.
49. *Стешенко В. С.* Изучение воспроизводства народонаселения (теоретические проблемы). К.: Наукова думка, 1981.
50. *Хакен Г.* Синергетика. Иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М.: Мир, 1985.
51. *Ливи-Баччи М.* Политика в области народонаселения: сравнительные перспективы // Международный журнал социальных наук. Вып. 8: Население: проблемы и политика / РАН; ЮНЕСКО. 1995. Февраль. С. 27–44.
52. *Хансен С.* Проблемы населения: вызов экономистам и специалистам в области социальных наук // Международный журнал социальных наук. Вып. 8: Население: проблемы и политика / РАН; ЮНЕСКО. 1995. Февраль. С. 45–60.
53. ЮНФПА. Народонаселение мира в 2005 году. Нью-Йорк, 2005.
54. ЮНФПА. Народонаселение мира в 2007 году. Нью-Йорк, 2007.
55. ЮНФПА. Народонаселение мира в 2009 году. Нью-Йорк, 2009.
56. *Abdulla K.* (1991) The Evolution of and Prospects for the Renier Economy in a Small Open and Oil-based Society. The Case of Bahrain: The Ph. D. Dissertation. University of Exeter, UK.
57. *Ahmed A. S., Hastings D.* (eds.) (1994) Islam, Globalization and Post-modernity. L.: Routledge.

58. *Al-Jaber K. A., Farid S. M.* (2000) Qatar family health survey. Riyadh: Gulf Family Health Survey.
59. *Alnesef Y., Al-Rashoud R., Farid S. M.* (2000) Kuwait family health survey. Riyadh: Gulf Family Health Survey.
60. *Al-Oqaily I.* (1996) Change in Family Pattern in Riyadh City // Kuwait Journal of the Gulf and Arabian Peninsula Studies / Kuwait University. Vol. 21. Is. 81.
61. *Al-Rashoud R., Farid S.* (eds.) (1994) Reproductive patterns and child survival in Kuwait. Gulf Child Health Survey, Council of Health Ministers of GCC States.
62. *Amer W.* (1996) Quality of Life in Urban Areas (Analysis of housing dimension and its spatial distribution, the Egyptian case) // The Arab Regional Population Conference (Cairo, 1996). Vol. 1. Cairo: CDC Press. P. 271–301.
63. *Appleyard R.* (ed.) (1988) International Migration Today: Trends and Prospects. University of Western Australia, Perth.
64. Arab Times (2010). Kuwait set to carry out population census in April, eye on 'standards' Focus on various statistics 'Arab Times' // February 27. URL: <http://www.arabtimesonline.com/NewsDetails/tabid/96/smId/414/ArticleID/150159/reftab/96/Default.aspx>.
65. *Arabia and the Gulf: From Traditional Society to Modern States.* New York: Totowa, 1986.
66. *Baqader A.* (2003) A Comprehensive Study of the Issues and Problems of Marriage in Gulf Council Countries. Executive Bureau of the Council of Labor and Social Affairs Ministers of the Gulf Cooperation Council and the Marriage Fund of the United Arab Emirates.
67. *Baran P.* (1973) On the political economy of backwardness // The Political Economy of Development and Underdevelopment / C. K. Wilber (ed.). New York: Random House. P. 82–93.
68. *Becker G. S.* (1962) Investments in human capital: a theoretical analysis // Journal of Political Economy. 1962. No 70. P. 9–49.
69. *Birks J. S., Sinclair C. A.* (1980) International Migration and Development in the Arab Region. Geneva: International Labour Office.
70. *Birks J. S., Secombe I. J., Sinclair C. A.* (1988) Labour migration in the Arab Gulf states: patterns, trends and prospects // International Migration. No 26. P. 253–266.
71. *Bisharat L., David P.* (1996) Simple Survey to Assess Progress for Children: Recent Experience with Multiple Indicator Cluster Survey (MICS) // The Arab Regional Population Conference (Cairo, 1996). Vol. 3. Cairo: CDC Press. P. 406–428.
72. *Bongaarts J., Watkins S. C.* (1996) Social Interactions and Contemporary Fertility Transitions // Population and Development Review. No 22 (4).

73. *Caring for the Future: Making the Next Decades a Life Worth Living* (1996): Report of the International Commission on Population and Quality of Life. Oxford: Oxford University Press.

74. *Castles S., Miller M. J.* (2003) *The Age of Migration*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire and London: MacMillan Press Ltd.

75. *Clarke J. I., Noin D.* (eds.) (1998) *Population and Environment in Arid Regions*. New York: UNESCO, Parthenon.

76. *Coale A. J.* (1960) *Demographic and Economic Change in Developing Countries*. Princeton University Press, Princeton.

77. *Easterlin R. A.* (1982) *Population and Economic Change in Developing Countries*. University of Chicago Press, Chicago.

78. *El-Haddad Y.* (2003) *Major Trends Affecting Families in the Gulf Countries*. Bahrain University. URL: <http://www.un.org/esa/socdev/family/Publications/mtelhaddad.pdf>.

79. *El-Khorazaty M.* (1996) *Characterization and Determinants of Reproductive Patterns in the Arab World: 1976–1994 // The Arab Regional Population Conference (Cairo, 1996)*. Vol. 1. Cairo: CDC Press. P. 375–435.

80. *Eltigani E.* *Health Profiles of children in Selected Arab Countries: an Investigation of Underlying Dynamics // The Arab Regional Population Conference (Cairo, 1996)*. Vol. 2. Cairo: CDC Press. P. 445–484.

81. *El-Zanaty M.* (1996) *Transitions in Demographic and Health Patterns in Arab Region // The Arab Regional Population Conference (Cairo, 1996)*. Vol. 1. Cairo: CDC Press. P. 469–489.

82. *Farid S.* (1996) *Transition in Demographic and Health Patterns in the Arab Region // The Arab Regional Population Conference (Cairo, 1996)*. Vol. 1. Cairo: CDC Press. P. 435–469.

83. *Farrag A.* (1996) *Association between Demographic Circumstances and Education from the Perspective of Educational Planning in Arab Countries // The Arab Regional Population Conference (Cairo, 1996)*. Vol. 2. Cairo: CDC Press. P. 59–79.

84. *Fikri M., Farid S. M.* (2000) *United Arab Emirates family health survey*. Riyadh: Gulf Family Health Survey.

85. *Galal O., Qureshi A.* (1996) *Regional Inequality in Under-Five Mortality in the Arab World, 1960–1994 // The Arab Regional Population Conference (Cairo, 1996)*. Vol. 1. Cairo: CDC Press. P. 484–501.

86. *GCIM* (2005). *Migration in an Interconnected World: New Directions for Action*. Report of the Global Commission on International Migration.

87. *Goujon A., Lutz W.* (1996) *Future Trends of Population and Education in Nine Arab States // The Arab Regional Population Conference (Cairo, 1996)*. Vol. 1. Cairo: CDC Press. P. 142–173.

88. *Guimei M.* (1996) *The Present Situation Relating to the Health and Welfare of Children in Different Parts of the Arab World // The Arab*

- Regional Population Conference (Cairo, 1996). Vol. 3. Cairo: CDC Press. P. 3–23.
89. *Hauser P. M.* (1979) *World Population and Development: Challenges and Prospects*. New York: UNFPA.
90. *Homeidan S.* (2007) Saudi Divorce Rate on the Rise // *Asharq Alawsat*. August 13. URL: <http://www.aawsat.com/english/news.asp?section=7&id=9875>.
91. *Issa M.* (1996) *The Evolution of Population Policies in Arab States // The Arab Regional Population Conference (Cairo, 1996)*. Vol. 2. Cairo: CDC Press. P. 335–376.
92. *Jejeebhoy S. J.* (1995) *Women's Education, Autonomy and Reproductive Behavior*. Oxford University Press, New York.
93. *Joseph S.* (1996) *Persistent Patriarchies // The Arab Regional Population Conference (Cairo, 1996)*. Vol. 2. Cairo: CDC Press. P. 200–219.
94. *Kapiszewski A.* (2006) Arab versus Asian migrant workers in the GCC countries: Paper presented at the UN Expert Group Meeting on International Migration and Development in the Arab Region (Beirut, 15–17 May).
95. *Khawaya M., Dawns J., Meyerson-Knox S., Yamout R.* (2008) Disparities in child health in the Arab region during the 1990s // *International Journal for Equity in Health*. Vol. 7. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2603010/>.
96. *Khoja T. A., Farid S. M.* (2000) *Saudi Arabia family health survey*. Riyadh: Gulf Family Health Survey.
97. *Kim W. B.* (1996) *Economic Interdependence and Migration Dynamics in Asia // Asian and Pacific Migration Journal*. No 5. P. 303–318.
98. *Kritz M., Lin Lean Lim, Zlotnik H.* (eds.) (1992) *International Migration Systems. A Global Approach* Oxford: Clarendon Press.
99. Kuwait (2007) *Statistics and Census Sector (SCS) Ministry of Planning. A Brief Profile*. January 2007. URL: <http://scs.mop.gov.kw>.
100. *Lawrence T. E.* (1962). *Seven Pillars of Wisdom*. London: Penguin Book.
101. *Lewis B.* (1997) *The West and the Middle East // Foreign Affairs*. January/February. No 1. P. 114–130.
102. Lenta.ru: Новости. URL: <http://lenta.ru/news/2005/04/13/marriage/>.
103. *Lutz W.* (1996a) *The Future Population of the World: What Can We Assume Today? / ed. and foreword by N. Keyfitz*. L: IIASA and Earthscan Press.
104. *Lutz W.* (1996b) *Challenges for Studying Population – Environment Interactions in the Arab Region*. IIASA. URL: <http://www.iiasa.ac.at/Publications/Documents/WP-96-100.pdf>.
105. *Massey D., Arago J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E.* (1998) *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium*. Oxford University Press, Oxford.

106. Metz H. C. (1993) Oman: A Country Study. Federal Research Division. Library of Congress, USA.
107. Mohammed N. (2003) Population and Development of the Arab Gulf States. Ashgate Publishing Company, USA.
108. Naseeb T., Farid S. M. (2000) Bahrain family health survey. Riyadh: Gulf Family Health Survey.
109. Newsweek (2005). Interview of the Prince Turki al-Faisal, the Ambassador of Saudi Arabia in the UK, to Carla Power // No 36. 14.02–20.02.2005.
110. Nyrop R. F. (ed.) (1984) Saudi Arabia: a Country Study. Foreign Area Studies. American University.
111. Omran A. R. (1992) Family Planning in the Legacy of Islam. L.: Routledge.
112. Portes A. (1995) The Economic Sociology of Immigration. New York: Russell Sage.
113. Rashad H., Khadr Z. (2002) The Demography of the Arab Region: New Challenges and Opportunities // Sirageldin I. (ed.) Human Capital: Population Economics in the Middle East: Economic Research Forum. American University in Cairo Press.
114. Sadeghi R. (2009) Divorce Rate in Kuwait 50 per cent and Rising // Arab Times. 2009. September 15. URL: <http://www.arabtimesonline.com/RSS/tabid/69/smld/414/ArticleID/148570/Default.aspx>.
115. Sassen S. (1998) Globalisation and Its Discontents. N. Y.: The New Press.
116. Scott R., Mona A. Khalifa. (1996) Future Research in Arab Region in the Light of the ICPD. Arab Regional Population Conference (Cairo, 1996). Cairo: CDC Press.
117. Shah N. M. (2000) The Middle East and South Asia // World Migration Report 2000. IOM/UN.
118. Shah N. M. (2006) Restrictive Labour Immigration Policies in the Oil-Rich Gulf: Effectiveness and Implications for Sending Asian Countries: Paper presented at the UN Expert Group Meeting on International Migration and Development in the Arab Region (Beirut, 15–17 May).
119. Shah N. M. (2008) Recent Labor Immigration Policies in the Oil-Rich Gulf: How Effective Are They Likely To Be? Bangkok: ILO.
120. Sindelar R., Peterson J. (eds.) (1988) Crosscurrents in the Gulf. London: Routledge.
121. Spengler J. J., Duncan O. D. (eds.) (1956) Population Theory and Policy. Glencoe.
122. Sulaiman A. J., Al-Riyami A., Farid S. M. (2000) Oman family health survey. Riyadh: Gulf Family Health Survey.
123. Swailem A., Farid S. (1996) The Gulf Health Project: Objectives and Design // The Arab Regional Population Conference (Cairo, 1996). Vol. 3. Cairo: CDC Press. P. 393–406.

124. *Tabutin D., Schoumaker B.* (2005) The demography of the Arab world and the Middle East from the 1950s to the 2000s: A survey of changes and statistical assessment // Population. Vol. 60. P. 505–616.
125. UAE (1999). The UAE Yearbook 1999. The UAE Ministry of Information and Culture. London: Trident Press.
126. UAE (2004). The UAE Yearbook 2004. The UAE Ministry of Information and Culture. London: Trident Press.
127. UAE (2005). The UAE Yearbook 2005. The UAE Ministry of Information and Culture. London: Trident Press.
128. UN (1982). World Population Trends and Policies 1981. New York.
129. UN (1992). Demographic Yearbook 1991. New York.
130. UN (1993). Demographic Yearbook 1992. New York.
131. UN (1994a). Program of Action of the 1994 United Nations International Conference on Population and Development (September 1994, Cairo). URL: <http://www.unfpa.org/icpd/icpd-programme.cfm>.
132. UN (1994b). Demographic Yearbook 1993. New York.
133. UN (1995a). Demographic Yearbook 1994. New York.
134. UN (1995b). Global Population Policy. Database 1993. New York.
135. UN (1996). Demographic Yearbook 1995. New York.
136. UN (1999). World Population Prospects: The 1998 Revision. Vol. 1. New York.
137. UN (2000a). Demographic Yearbook 1999. New York.
138. UN (2000b). Global Population Policy Data Base 1999. New York.
139. UN (2002a). Demographic Yearbook 2001. New York.
140. UN (2002b). National Population Policies 2001. New York.
141. UN (2003a). World Population Prospects: The 2002 Revision. Vol. 1. New York.
142. UN (2003b). World Population Monitoring 2002: Reproductive Rights and Reproductive Health. New York.
143. UN (2004a). Demographic Yearbook 2003. New York.
144. UN (2004b). World Fertility Report 2003. New York.
145. UN (2005). Population and Development Report. Second Issue: The Demographic Window: An Opportunity for Development in the Arab Countries. New York.
146. UN (2006). World Population Policies 2005. New York.
147. UN (2007a). Population Reference Bureau. World Population Data Sheet.
148. UN (2007b). World Population Prospects: The 2006 Revision. New York: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division.
149. UN (2007c). United Nations Workshop on Improving Statistics on Fertility and Mortality in ESCWA Region (Cairo, Egypt, 3–6 December 2007). Country Report: Kingdom of Bahrain: Civil Registration & Vital

Statistics Report. URL: http://unstats.un.org/unsd/demographic/meetings/wshops/Civil_Registration_Dec07_Cairo/docs/Bahrain_Report.pdf.

150. UN (2008). World Population Ageing 2007. New York.

151. UN (2009). World Population Prospects. The 2008 Revision. New York.

152. UNDP (2006). Arab Human Development Report 2005: Towards the rise of women in the Arab world. New York. URL: <http://www.undp.org/arabstates/ahdr2005.shtml>.

153. UNDP (2008). Human Development Report 2007–2008. Fighting Climate Change: Human Solidarity in a Divided World. New York.

154. UNDP (2009). Human Development Report 2009. Overcoming Barriers: Human Mobility and Development. New York.

155. UNEP (2006). Annual Report 2006. New York.

156. *Weiner M.* (1982) International migration and development: Indians in the Persian Gulf //Population and Development Review. 1982. No 8. P. 1–36.

157. *Winckler O.* (2000) Population Growth, Migration and Socio-Demographic Policies in Qatar / The Moshe Dayan Center for Middle Eastern and African Studies. Data and Analysis Series. Tel Aviv University.

158. World Bank (2008). Global Purchasing Power Parities and Real Expenditures 2005 International Comparison Program. Washington D. C.: World Bank.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ПОЛИТИКИ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ В СТРАНАХ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА	10
1.1. Роль «нефтяного фактора» в социально-экономическом развитии и формировании ресурсной базы политики народонаселения.	10
1.2. Родоплеменной уклад и социальная трансформация традиционной структуры арабского общества	20
1.3. Фактор окружающей среды в развитии населения стран Персидского залива	28
ГЛАВА 2. УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ НАСЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СТРАНАХ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА В 1970–2000-х гг.	41
2.1. Источники данных о населении и особенности статистического учета . . .	41
2.2. Динамика численности и особенности возрастно-половой структуры населения	47
2.3. Особенности рождаемости, брачности, репродуктивного поведения.	52
2.4. Тенденции смертности.	70
ГЛАВА 3. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОЛИТИКИ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ	79
3.1. Патернализм как основной принцип социально-демографической политики в странах Персидского залива	79
3.2. Политика в области снижения смертности	90
3.3. Политика в области рождаемости и улучшения репродуктивного здоровья населения.	93
3.4. Миграционная политика	101
3.5. Политика в области образования и борьбы с неграмотностью.	109
3.6. Политика занятости и развитие населения стран Персидского залива. . .	115
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	126
БИБЛИОГРАФИЯ	129
ПРИЛОЖЕНИЕ	138

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКИ

Научное издание

Наталья Вениаминовна Краснова

**ПОЛИТИКА НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ В АРАБСКИХ СТРАНАХ
ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА**

Монография

Заведующий редакцией научной и учебно-методической литературы
Издательства СПБАУЭ *Блажко А. В.*
Корректор *Матвеева Г. М.*
Компьютерная верстка *Посадова Е. Е.*
Дизайн обложки *Кагарлицкая М. В.*

Подписано в печать 21.04.2011 г.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Уч.-изд. л. 8,1. Усл. печ. л. 11,5.
Гарнитура NewtonС. Тираж 1000 экз. Заказ № 248.

Издательство Санкт-Петербургской академии управления и экономики
198103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр. 44
(812)448-82-50
E-mail: izdat-ime@spbame.ru
izdat-ime@yandex.ru

Отпечатано в типографии ООО «АННТ-принт»
190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., д. 29
Тел./ф.: (812) 251-59-64

Н. В. КРАСНОВА

ПОЛИТИКА НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ В АРАБСКИХ СТРАНАХ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

В монографии рассматриваются особенности формирования политики народонаселения с учетом «нефтяного фактора», традиций мусульманского общества и специфики демографического развития в арабских странах Персидского залива, которые отличаются высоким уровнем производства ВВП на душу населения, быстро развивающейся и модернизирующейся экономикой. Анализируется осуществляемая правительствами этих стран политика народонаселения, являющаяся частью социальной политики и воздействующая на воспроизводство населения через улучшение его качественных характеристик, условий труда и уровня жизни граждан при сохранении незыблемости традиционных основ общества.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что направленные на изменение социально-демографических характеристик населения и общества проекты в указанных странах проводились в жизнь на основании детального изучения проблем, масштабных обследований и мониторинга демографической ситуации.

Издание предназначено для экономистов, демографов, социологов, политологов, работников органов власти Российской Федерации.

ISBN 594047243-5

9 785940 472438